

УДК 316.36

DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-448-456

Гендерная оценка института полигамии (на примере Дагестана)

Эльвира М. Загирова

*Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН,
Махачкала, Россия, elvira.2005@inbox.ru*

Аннотация. В семейно-брачной сфере дагестанских народов распространение получило многоженство, хотя оно не было массовым явлением в недавнем прошлом истории народов Дагестана. Опрошенные дагестанские женщины в категоричной форме не приемлют для себя статус «второй жены», более того, демонстрируют отрицательное отношение в целом к появлению института полигамии в настоящее время. На брачные установки опрошенных дагестанских женщин не влияют вероисповедание и отношение к религии (верующая/неверующая), хотя мусульманство допускает возможность иметь четырех жен последовательно ислама. Авторская гипотеза о позитивном отношении и оценке полигамии носителями ислама результатами исследования не подтвердилась, что свидетельствует о нежелании в полной мере принять предписания мусульманства в семейно-брачной сфере. При этом в общественном сознании опрошенных женщин имеет место «оправдание» многоженства с доводом существования диспропорции мужского и женского населения.

Ключевые слова: дагестанская семья, семейно-брачная сфера, семейные отношения, институт многоженства, полигамия, «вторая жена», мусульманство, брачное поведение

Для цитирования: Загирова Э.М. Гендерная оценка института полигамии (на примере Дагестана) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 3. С. 448–456. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-448-456

Gender assessment of the institute of polygamy (on the example of Dagestan)

El'vira M. Zagirova

*Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russia, elvira.2005@inbox.ru*

Abstract. In the family and marriage sphere of the Dagestan peoples, polygamy was widespread, although it was not a mass phenomenon in the recent

© Загирова Э.М., 2022

past of the history of the peoples of Dagestan. According to the results of the study, it was found that the interviewed Dagestani women categorically do not accept the status of a “second wife” for themselves, moreover, they demonstrate a negative attitude in general to the emergence of the institution of polygamy at the present time. Empirical material shows that the marriage attitudes of the interviewed Dagestani women are not influenced by religion and attitude to religion (believer / non-believer), although Islam allows the possibility of having four wives for a follower of Islam. The author’s hypothesis about the positive attitude and assessment of polygamy by the followers of Islam was not confirmed by the results of the study, what indicates an unwillingness to fully accept the precepts of Islam in the family and marriage sphere. In addition, the survey data show that the interviewed Dagestan population has a negative attitude to the decision of their own children to have a “second wife” and to be a “second wife” with different argumentation.

Keywords. Dagestan family, family and marriage sphere, family relations, the institution of polygamy, polygamy, “second wife”, Islam, marriage behavior

For citation: Zagirova, E.M. (2022), “Gender assessment of the institute of polygamy (on the example of Dagestan)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, part 3, pp. 448–456, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-448-456

Введение

Семейные проблемы, происходящие в институте семьи преобразования, являются предметом пристального внимания российских фамилистов. Особое место в исследованиях семьи и семейных отношений занимает изучение традиционной семьи, в которой вес и значение имеют традиции и обычаи, сложившиеся в течение долгого времени, более того, обладающие спецификой у каждого этнического образования. Среди дагестанских фамилистов можно отметить Б.М. Алимову, внесшей заметный вклад в семейведение и посвятившей дагестанской семье множество исследований [Алимова 2011; Алимова 2015]. Кроме того, межнациональная семья и происходящие в ней трансформации исследованы М.М. Шахбановой [Шахбанова 2008; Верещагина, Шахбанова 2016], М.Б. Гимбатовой уделяется внимание изучению семейного этикета [Гимбатова 2014]. Преобразования постсоветского периода затронули и российскую семью в целом, соответственно, дагестанскую семью в частности: поэтому, хотя дагестанская семья сохранила свою консервативность, но и внутри нее наблюдаются заметные трансформации, выражающиеся в форме потери многих этнокультурных

традиций при параллельном уменьшении значимости морали и нравственности [Алимова 2011, с. 48]. И одной из ярких констатаций изменений в дагестанской семье является реставрация института многоженства. Если строго подходить к истории полигамии в нашей республике, то дагестанские исследователи считают, что многоженство не имело повсеместного распространения в дореволюционном Дагестане, ибо существовал так называемый покупной брак. И в основном многоженство было распространено среди дагестанских правителей и зажиточного слоя. На появление в семейно-брачной сфере такого пережитка, как многоженство, определенное влияние оказал исламский фактор, ренессанс вероучения и деятельность мусульманского духовенства, которое решило упорядочить сексуальные взаимоотношения с мотивацией недопущения греховного сожительства. Иными словами, мусульманским компонентом в семейной жизни дагестанских народов обусловлено возрождение полигамии, и данный процесс в семейном пространстве Дагестана вызывает дискуссии при его оценке и обозначении отношения, впрочем, как и провоцирует ухудшение семейного климата и взаимоотношений между супругами: «первый и самый простой аргумент против многоженства заключается в том, что многоженство – это аморальная форма брака, которую большинство психологически отторгает» [Алиев 2013, с. 25].

Не менее важным в рамках изучения института многоженства является изменение установок в отношении межрелигиозных браков: переход носителя иного вероисповедания в лоно ислама является важным условием для заключения брачного союза [Шаханова 2009а].

Таким образом, несомненно, что в семейно-брачной сфере современной дагестанской семьи огромный интерес вызывает, во-первых, само явление «многоженство», во-вторых, отношение дагестанского населения к полигамии, в-третьих, брачное поведение мужчин и женщин, их аргументации в пользу многоженства (мужчины и женщины, которые допускают для себя модель семьи – иметь «вторую жену» и быть «второй женой»), собственные брачные установки, а также отношение опрошенного населения к решению сына брать «вторую жену» и дочери вступить в брачные отношения с мужчиной, находящимся в брачном союзе.

Эмпирическую базу составляет социологическое исследование, проведенное в 2021 г. в рамках изучения отношения дагестанского населения к институту полигамии. Опрос проведен в городах (Дербент, Махачкала, Хасавюрт) и районах (Ботлихский, Дербентский, Казбековский, Кизлярский, Кизилюртовский, Левашинский) Республики Дагестан. Методом исследования стал стандартизи-

рованный массовый опрос. $N = 507$. По гендерной принадлежности – 243 мужчины и 264 женщины. Затронутая в исследовании проблематика обусловила формирование анкеты, внутри которой были сформулированы отдельные вопросы для мужской и женской подгрупп респондентов. Авторская гипотеза заключается в том, что полигамия является архаичным явлением, которое в семейно-брачной сфере дагестанских народов в предыдущий исторический период не имело широкого распространения, однако с возрождением ислама получило свое распространение. В настоящее время многоженство выполняет деструктивную роль, негативно сказывается на семейных отношениях и разрушает традиционные семейные установки дагестанских народов.

Обсуждение результатов исследования

Изучение института многоженства в современном дагестанском обществе, установление отношения (положительное или отрицательное) к данному явлению требует выявления модели брачного поведения дагестанской женщины и дагестанского мужчины. Какой выглядит модель брачного поведения дагестанского мужчины и дагестанской женщины является ключевым вопросом в данном исследовании, потому что демонстрирует характерные семейные ценности и установки. Так, данные авторского исследования показывают, что 73,6% опрошенных женщин в категоричной форме не приемлют лично для себя статус «вторая жена». С возрастом увеличивается доля придерживающихся данной точки зрения с 27,7% в разрезе 0–19 лет до 51,5% старше 50 лет. По семейному положению на статус «второй жены» не согласны 50,0% разведенных и 31,8% не состоящих в браке женщин. При этом можно констатировать увеличение с повышением образовательного уровня опрошенного женского населения процентных показателей респонденток, которые не готовы на такой шаг: 32,0% со средним, 42,9% средним специальным и 50,7% высшим образованием. По мнению автора, отношение к религии (верующий – неверующий) должно играть важную роль при определении позиции к полигамии, как в целом, так и в личном решении на создание такой модели семьи, потому что мусульманское вероучение с четкой конкретизацией (отсутствие детей, состояние здоровья супруги и др.) допускает многоженство (позволяет иметь четырех жен). Однако эмпирические данные показывают, что среди обозначающих свое отношение к религии как верующие, по сравнению с подгруппами

колеблющихся и неверующих, больше доля не допускающих лично для себя такой семейный статус («вторая жена»), хотя картина, по мнению автора, должна быть иной: легитимность многоженства в исламе предполагает существование в общественном сознании именно верующего населения позитивного восприятия полигамии. Но результаты исследования показывают иной сценарий поведения и установок в общественном сознании женского населения, т. е. невосприятие лично для себя нахождения в статусе «второй жены» – 45,1%, 26,3% и 38,5% соответственно. При этом 15,4% опрошенных женщин затруднились выразить свою позицию, что свидетельствует о некоторой неопределенности в их брачном поведении. Следует иметь в виду, что есть когорта женщин, которая в категоричной форме не приемлет для себя нахождение в статусе «вторая жена», более того, негативно настроены к распространению в современном дагестанском обществе многоженства, причем, как показывает практика, женщины соглашались на положение «вторая жена» чаще с состоятельным мужчиной, что вызывает много нареканий как к самой женщине, так и к мужчине. Анализ по социально-демографическим признакам показывает, что, по сравнению с другими прослойками, доля затруднившихся ответить больше в возрастном разрезе «20–50 лет» и подмассиве с невысоким образовательным статусом: 10,7% со средним и 13,4% средним специальным образованием против 6,6% с высшим образованием, впрочем, как и в подгруппе верующих (10,3%). Дальнейший анализ социологического материала показывает, что 7,2% опрошенных женщин готовы быть «второй женой», из них 6,2% в возрасте 20–35 лет, 9,7% разведенных и 6,7% имеющих среднее образование. Таким образом, полученный на вопрос «Вы согласились бы стать “второй женой”?» материал свидетельствует, что по всему массиву большая часть опрошенных женщин не готова на статус «второй жены», и на формирование этой позиции не оказывает влияния такой важный фактор, как отношение к религии, несмотря на допустимость исламом иметь четырех жен. По логике именно эта категория должна была продемонстрировать позитивное отношение к полигамии и возможность лично для себя такого шага, исходя из обозначения своего отношения к религии и следования положениям мусульманского учения. Реалии же показывают, что в общественном сознании женщин превалирует позиция неприятия такой формы брачного союза, хотя имеет место и допустимость такого решения при определенных условиях. При этом мужчины, по сравнению с женщинами, демонстрируют совсем иные желания и возможные стили семейно-брачного поведения. Так, 22,3% опрошенных мужчин на вопрос «Вы хотели бы иметь “вторую жену”?»

ответили отрицательно, с аргументацией нежелания «разрушать свою “первую семью”». По возрасту можно заметить уменьшение разделяющих такую точку зрения с 23,4% в разрезе 0–19 лет до 8,2% старше 50 лет. Анализ материала через призму отношения к вероисповеданию показывает, что 12,8% верующих, 15,8% неверующих и 23,1% колеблющихся из подмассива мужчин не планируют иметь «вторую жену», а это является основанием для утверждения о малозначимости фактора (верующий/неверующий) в брачном поведении мужчин, впрочем, как ранее уже было показано, и женщин. Вместе с тем 14,9% опрошенных мужчин готовы иметь «вторую жену» с мотивацией, что ислам позволяет иметь четырех жен, среди них 8,9% верующих, 10,3% холостых и 10,8% в возрастном интервале 36–50 лет против 6,7% 20–35 лет и 5,2% старше 50 лет. Далее, 11,2% респондентов рассматривают решение иметь «вторую жену» как безнравственный поступок, и с возрастом увеличивается их число: с 4,3% в разрезе 0–19 лет до 8,2% старше 50 лет, т. е. взрослое поколение, имеющее опыт семейной жизни, по-иному относится к институту многоженства. Вариант ответа «мое материальное положение не позволяет мне иметь “вторую жену”» отмечен у 10,2% опрошенных мужчин, среди них 10,1% старше 50 лет и неверующие (10,5%), в других подгруппах доля разделяющих эту позицию небольшая. Вместе с тем 8,8% опрошенных мужчин готовы иметь «вторую жену», если «в первом браке не будет детей, но чтобы не расстаться со своей женой», и 9,3% готовы на этот шаг при возникновении чувства любви к другой женщине, но не захотят разрушить свою первую семью. Полученные данные показывают, что в массовом сознании респондентов мужчин имеют место противоречивые установки в отношении многоженства, вернее, в принятии собственного решения иметь «вторую жену». Вероятнее всего, такая позиция обусловлена тем, что мужчина (муж) принимает во внимание психологическое состояние женщины (жены), свое и своих детей, которые страдают, да и мужчина, видимо, понимает, что не сможет в равной степени уделять внимание «первой» и «второй» семьям, поэтому среди них сравнительно высокий процентный показатель негативно настроенных к полигамии. Аргументы «за» (средний показатель по трем позициям – 5,7%) и «против» (средний показатель по трем позициям – 8,5%) создания «второй семьи» среди респондентов-мужчин распределились примерно поровну, т. е. можно сделать вывод, что у дагестанских женщин есть причины, основания для беспокойства, ибо их семейные установки отличаются от мужских, более того, на допустимость лично для себя нахождения в статусе «второй женой» указывает статистически незначимая доля опрошенного женского населения. Поэтому,

исходя из существующего в массовом сознании опрошенного дагестанского населения отношения к полигамии, можно утверждать, что оно не рассматривается как традиционная модель семейной жизни, и практической необходимости для ее распространения не существует. Более того, полигамия может выступить ключевым источником подрыва основ семейных ценностей и отношений. Кроме того, гипотетически допустимость мужчине иметь «вторую жену» в противоположность установке женщин не принимать такое решение мужчины (мужа) может спровоцировать внутрисемейный конфликт, который может в конечном итоге разрушить семью.

Заключение

Несмотря на то что в настоящее время многоженство получило распространение в семейно-брачной сфере дагестанской семьи, в общественном сознании опрошенного населения доминирует отрицательная его оценка, более того, особенно женщины усматривают в нем угрозу как собственной семье, так и семье сына и дочери. Разумеется, женщины, самоидентифицирующие как верующие и приверженные активному культовому поведению, относительно толерантны к многоженству, но, по мнению автора, это внешняя демонстрация при внутреннем неприятии такого поступка со стороны своего супруга. При этом опрошенные мужчины, по сравнению с женщинами, демонстрируют совсем иные желания и возможные стили семейно-брачного поведения – данные опроса констатируют, что они допускают возможность иметь «вторую жену» при определенных условиях («если в первом браке не будет детей, но я не захочу расстаться со своей женой», «если я полюблю другую женщину, но не захочу разрушить свою первую семью», «наша религия (ислам) позволяет мужчине иметь четырех жен»), хотя в целом преобладают суждения, не воспринимающие институт полигамии («я не хотел бы разрушать свою семью», «это безнравственно», «мое материальное положение не позволяет мне иметь “вторую жену”»). Возможно, это связано с тем, что мужчина осознает, какие последствия, в основном психоэмоционального характера, могут иметь его решение. Априори мужчина не сможет в равной степени участвовать в жизни обеих семей, воспитании детей, хотя может быть вполне способен обеспечить материальный фундамент – ключевым в мусульманстве является именно соблюдение равенства в отношении обеих супруг.

Далее по результатам исследования установлено, что подавляющая часть опрошенных женщин обозначает недопустимость

для себя быть в статусе «второй жены», впрочем, как и респонденты, мужчины, которые с аргументацией разрушения первой семьи не готовы на такой шаг. Однако брачные установки мужчин кардинально отличаются от женских: первые приводят разные причины для обоснования возможности иметь «вторую жену», а вторые в категоричной форме подчеркивают недопустимость такого поступка лично для себя.

Литература

- Алимова 2011 – Алимова Б.М. Современная дагестанская семья: проблемы и перспективы // Вестник Института ИАЭ. 2011. № 1. С. 48–52.
- Алимова 2015 – Алимова Б.М. Разводы в Дагестане: причины, мотивы и пути стабилизации (анализ статистики) // Вестник Института ИАЭ. 2015. № 2. С. 124–142.
- Алиев 2013 – Алиев А.К. Многоженство – социальная болезнь // Народы Дагестана. 2013. № 5. С. 25–27.
- Верещагина, Шахбанова 2016 – Верещагина А.В., Шахбанова М.М. Межэтнические отношения в оценке дагестанских народов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 4. С. 159–177.
- Гимбатова 2014 – Гимбатова М.Б. Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала: Эпоха, 2014. 392 с.
- Шахбанова 2008 – Шахбанова М.М. Отношение к межнациональным бракам в этническом сознании дагестанцев // Социологические исследования. 2008. № 11. С. 72–76.
- Шахбанова 2009а – Шахбанова М.М. Место религии в процессе формирования культуры межнационального общения // Актуальные проблемы гуманитарных наук – 2009: Сб. науч. трудов / Сост. М.М. Шахбанова; Отв. ред. Ю.Н. Абдулкадыров. Махачкала: АЛЕФ, 2009. С. 15–24.
- Шахбанова 2009б – Шахбанова М.М. Этноконфессиональные особенности Республики Дагестан // Актуальные проблемы гуманитарных наук – 2009: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Ю.Н. Абдулкадыров. Махачкала: АЛЕФ, 2009. С. 35–47.

References

- Alimova, B.M. (2011), “Modern Dagestan family. Issues and prospects”, *Bulletin of the Institute IAE*, no. 1, pp. 48–52.
- Alimova, B.M. (2015), “Divorces in Dagestan. Reasons, motives and ways of stabilization (statistical analysis)”, *Bulletin of the Institute IAE*, no. 2, pp. 124–142.

- Aliev, A.K. (2013), "Polygamy is a social disease", *The people of Dagestan*, no. 5, pp. 25–27.
- Gimbatova, M.B. (2014), *Muzhchina i zhenshchina v traditsionnoi kul'ture tyurkoyazychnykh narodov Dagestana v XIX – nachale XX v.* [Man and woman in the traditional culture of the Turkic-speaking peoples of Dagestan in the 19th – early 20th century], Epokha, Mahachkala, Dagestan.
- Shakhbanova, M.M. (2008), "Attitude to interethnic marriages in the ethnic consciousness of Dagestanis", *Sociological Studies*, no. 11, pp. 72–76.
- Shakhbanova, M.M. (2009a), "The place of religion in the process of forming a culture of interethnic communication", Abdulkadyrov, Yu.N. (ed.), *Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk – 2009* [Current issues of the humanities – 2009. Collection of scientific papers], ALEF, Mahachkala, Dagestan, pp. 15–24.
- Shakhbanova, M.M. (2009b), "Ethnoconfessional features of the Republic of Dagestan", Abdulkadyrov, Yu.N. (ed.), *Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk – 2009* [Current issues of the humanities – 2009. Collection of scientific papers], ALEF, Mahachkala, Dagestan, pp. 35–47.
- Vereshchagina, A.V. and Shakhbanova, M.M. (2016), "Interethnic relations in the assessment of Dagestan peoples", *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 19, no. 4, pp. 159–177.

Информация об авторе

Эльвира М. Загирова, кандидат социологических наук, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия; 367030, Россия, Махачкала, ул. Ярагского, д. 75; elvira.2005@inbox.ru

Information about the author

Elvira M. Zagirova, Cand. of Sci. (Sociology), Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Dagestan; bld. 75, Yaragskogo Street, Makhachkala, Russia, 367030; elvira.2005@inbox.ru